

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Х. Д. Курц*

КУДА ИДЕТ ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ: МЕДЛЕННО ДВИГАЕТСЯ В НИКУДА?***

1. Введение***

С высоты Олимпа современной экономической науки наши предшественники – экономисты прошлого – напоминают гномов, все еще различных, но все же гномов, населяющих глубокие долины, где мало света и много темноты. Я поспешу добавить, что, конечно, эта картина является карикатурой, и я сам присутствовал на выступлениях, сделанных на собраниях экономистов, в которых не умалялось наследие прошлого и не было никаких признаков удовлетворенности или высокомерия. Однако мне приходилось

---

* *Kurz H. D. Whither the History of Economic Thought? Going Nowhere Rather Slowly? // The European Journal of the History of Economic Thought. 2006. Vol. 13. Issue 4. P. 463–488.*

** Выступление президента на ежегодной конференции Европейского общества истории экономических учений, прошедшей 28–30 апреля 2006 г. в г. Порто, Португалия. Я благодарю Тони Аспроморгеса, Стефана Бема, Жанкарло де Виво, Жильберта Факкарелло, Кристиана Герке, Харальда Хейджманна, Андре Лапидуса, Акселя Лейонхуфвуда и Бертрама Шефолда за ценные замечания, высказанные во время подготовки статьи. Я выражаю признательность Тони Аспроморгесу, Хосе Луи Кардозо, Волкеру Каспари, Даниэлю Дяткине, Жильберту Факкарелло, Дукану Фолей, Кристиану Герке, Джефу Харкорту, Андре Лапидусу, Антониу Мерфи, Нерио Налди, Мансеопу Парку, Луиджи Пазинетти, Нери Сальвадори и Аджиту Синхе за ценные замечания и предложения, сделанные по поводу предварительного варианта данной статьи. Я несу полную ответственность за точку зрения, высказанную в данном докладе.

*** Введение печатается с незначительными сокращениями. – *Прим. ред.*

Хайнц Д. КУРЦ – полный профессор экономики в Университете Граца (Австрия), соредатор (manager editor) журналов «*Metroeconomica*» и «*The European Journal of the History of Economic Thought*». Опубликовал несколько книг, в том числе (совместно с Нери Сальвадори) «*Theory of Production*» (СУР, 1995) и множество статей в различных журналах, включая *Cambridge Journal of Economics, Economica, History of Political Economy, Journal of Economic Behavior and Organization, Journal of Political Economy, Oxford Economic Papers*.

© Х. Д. Курц, 2008

© Г. В. Борисов, перевод, 2008

слышать мнения противоположного характера и, как мне кажется, их распространенность растет.

Действительно, мы уже долгое время сталкиваемся с фактами, подтверждающими эту мысль¹. Историки экономических учений являются вымирающим видом, и их естественная среда обитания – экономические факультеты – становится все менее и менее гостеприимной. В течение определенного периода времени происходит маргинализация дисциплины, хотя события принимают противоречивый характер. Не далее как в прошлом году мы были шокированы новостью о том, что журнал «История политической экономии» (History of Political Economy, HOPE), имеющий исключительное значение в данной области, был удален из Индекса цитирования общественных наук (Social Science Citation Index, SSCI). Вскоре после этого мы узнали, что начиная с 2005 г. другой специализированный журнал – «Европейский журнал истории экономических учений» (The European Journal of the History of Economic Thought, EJHET), будет присутствовать в SSCI. И в конце весны 2006 г. мы были успокоены сообщением о том, что HOPE полностью восстановлен в SSCI. Если я не ошибаюсь, впервые два специализированных журнала по истории экономических учений, EJHET и HOPE, одновременно индексируются. Включение в Индекс цитирования, который практически равнозначен для дисциплины вошедшему в поговорку золотому тельцу, вокруг которого совершаются танцы, является вопросом выживания. Он особенно актуален для наших молодых коллег, без которых у дисциплины нет будущего. В настоящее время, когда в Индексе присутствуют сразу два журнала, ситуация намного благоприятнее, чем была². Тем не менее по причинам, которые, надеюсь, станут понятными далее, я бы не советовал никому из тех, кто начинает академическую карьеру в настоящее время, становиться исключительно историком экономической мысли. Как мне кажется, намного безопаснее будет иметь вторую специализацию в области экономической теории. Ходьба на двух ногах не только удобнее, но и безопаснее по сравнению с передвижением на одной ноге.

Мое выступление имеет следующую структуру. В разделе 2 я начну с краткого обзора целей экономической науки и истории экономических учений. Затем в разделе 3 я обобщу некоторые аргументы наших коллег-экономистов, сомневающих в полезности истории экономических учений. Далее, в разделе 4 я обращусь к доводам в защиту нашей дисциплины и приведу некоторые примеры. В разделе 5 будет сформулирован вывод о том, что экономическая теория является слишком важным предметом для того, чтобы оставить его на откуп нашим друзьям экономистам-теоретикам.

Еще в 1962 г. Дональд Винч высказал мнение о том, что «дисциплина [история экономической науки] сможет выжить только в случае, если будет опираться на устойчивое и независимое основание» (Winch, 1962, p. 203), т. е. независимое от экономической науки. И хотя мне до определенной степени понятна и симпатична эта мысль, я уверен, что существуют веские причины для того, чтобы попытаться вернуть утраченные профессиональные позиции. Некоторые предложения, касающиеся того, как можно этого добиться, приведены ниже³.

Перед тем как перейти к обсуждению основного тезиса, позвольте мне отметить то, что подзаголовок моего выступления заимствован из работы Майкла Руза о развитии идей Дарвина и появлении «Происхождения видов». Руз выделяет две тенденции – хорошую и плохую. Плохая тенденция ведет свою историю от работ Герберта Спенсера, который пытался объяснить эволюцию с позиции доктрины прогресса, т. е. с точки зрения перехода от слабого к сильному и от не совсем хорошего к более совершенному. Главным представителем хорошей тенденции считается сам Дарвин, для которого эволюция

была «ненаправленным процессом, достаточно медленно двигающимся в никуда» (Ruse, 1988, p. 97). Подзаголовок моего выступления также содержит вопросительный знак, и хотя у меня есть соображения, касающиеся того, где искать ответ, я не претендую на его знание.

2. В поисках истины или пользы?

Первый вопрос, который нам придется, возможно коротко, рассмотреть, будет касаться того, что является или должно являться целью экономической науки и какова цель истории экономических учений. Пигу в «Экономической теории благосостояния» писал в 1920 г.: «Целью человека, приступающего к любому исследованию, могут быть стремление к свету истины или полезным результатам – либо к познанию ради него самого, либо к знанию во имя полезных вещей, которые оно делает доступными... В науках о человеческом обществе, при всей привлекательности мысли о том, что они несут нам свет истины, именно перспектива получения пользы, а не знания, в основном, заслуживает нашего внимания» (Pigou, 1920, p. 2–3)⁴.

Если подразумевается, что данное утверждение применимо к экономической теории, а именно так и обстоит дело, то насколько же оно актуальнее в отношении истории дисциплины! По сравнению со временем Пигу, современные общемировые тенденции развития демонстрируют еще больший сдвиг оценок в пользу перспектив получения практических результатов и в ущерб поискам истины. Многие европейские университеты в настоящее время столкнулись со значительным сокращением бюджета и во все большей степени пытаются финансировать исследовательскую деятельность с помощью грантов, получаемых из разных источников – как частных, так и общественных. Репутация ученого все больше и больше измеряется не только активностью цитирования его работ в SSCI, но и объемом привлекаемых им средств. Глобализация и усилившаяся конкуренция способствовали изменению роли университетов в обществе. Политики предлагают университетам избавляться от учебных программ по тем предметам, которые не приносят непосредственной «общественной пользы». Очевидно, что указанные тенденции негативно отражаются на нашем предмете. В целом историки экономической мысли испытывают более значительные трудности в процессе привлечения средств для исследовательской работы. И они не могут убедительно продемонстрировать свои способности в области решения злободневных проблем⁵.

Противопоставление истины и пользы, однако, является ложным. Положение вещей всегда намного сложнее. Это подчеркивал Фриц Махлуп в своей книге «Знание и его производство», где он отреагировал на приведенное выше утверждение Пигу следующим образом: «Должен сознаться, что по сравнению с требованиями, предъявляемыми Пигу к обществоведам, я не в столь значительной степени ориентируюсь на свое предназначение. Я бы занимался изучением даже в случае, если ничего, кроме знания, нельзя было бы ожидать. Однако я уверен, что плоды могут расти и созревать только там, где достаточно света. Большинство исследований, проливающих свет на проблемы общественного или иного характера, в конечном счете подтверждают свою полезность для общества. Однако я опасюсь того, что обоснование каждого исследовательского проекта в области общественных наук его ожидаемой плодотворностью будет сдерживать наши усилия» (Machlup, 1980, p. 11).

Мы можем спросить, способна ли история экономических учений пролить свет на проблемы общества, уповая на то, что, ответив на этот вопрос, мы покажем ее полезность.

Некоторые из наших коллег-экономистов отвечают на этот вопрос громогласным «нет». Давайте кратко рассмотрим их основные аргументы.

3. Зачем беспокоиться по поводу «ошибочных мнений умерших людей»?

Наиболее строгий вердикт в адрес истории экономических учений, который, согласно Марку Блаугу, отражает позицию «философского крыла в позитивизме» (Blaug, 2001, p. 146), был вынесен теми, кто считает, что экономическая наука имеет или должна иметь черты строгой науки, предпочтительно физики. Хотя подобные заявления звучат с давних пор, с годами они приобретают все большую силу. Нет необходимости в данный момент заниматься вопросом о том, насколько соответствует истинному положению дел образ естественных наук, имеющийся у этих ученых, и не отражает ли он устаревшую на настоящий момент точку зрения, как утверждают некоторые историки науки⁶. С точки зрения задачи нашего обсуждения имеет значение то, что принимаемая концепция строгой науки равносильна утверждению о неизменно кумулятивном характере научного знания, находящемся исключительно в состоянии прогресса и никогда не испытывающем регресса. Принимается, что процесс производства и усвоения знаний совершенен: все хорошее и ценное будет сохранено, а неубедительное или ошибочное отброшено. Если бы все это соответствовало действительности, то прошлое представляло бы интерес только с антикварной точки зрения: действительно, зачем беспокоиться по поводу «ошибочных мнений умерших людей», используя знаменитую фразу Пигу?

Подобные взгляды имели и имеют широкое распространение среди представителей естественных наук и математики. Альфред Норт Уайтхед писал в 1926 г.: «Наука, не решающаяся забыть своих основателей, мертва» (Whitehead, 1926, p. 162). По сути такой же взгляд на политическую экономию был высказан уже в первой половине XIX столетия Жаном Батистом Сэем, который подчеркнул в своем «Cours complet d'économie politique pratique»: «Историю науки нельзя сравнить с учебником. Она не может быть ничем иным, нежели описанием более или менее удачных попыток... сбора и надежного обоснования истин, из которых наука состоит. Что можно получить в процессе накопления абсурдных мнений и заслуженно отвергнутых доктрин? Их эксгумация была бы в одно и то же время бесполезным и скучным делом... *Ошибки заслуживают не изучения, а забвения*» (Say, 1840, p. 540–541; курсив наш. – Х. К.)⁷. Для того чтобы забыть сделанные ошибки, необходимо отказаться от истории политической экономии.

Ученые, занимающиеся проблемами знания и познания, согласны с тем, что человек учится именно посредством совершения и исправления ошибок (см., напр.: Audi, 1998). Следовательно, аргумент Сэя не убедительный. Однако соответствует ли действительности его взгляд на экономику как науку? И обречена ли история экономических учений в длительной перспективе на смерть, как он был убежден? Похожие мнения высказываются снова и снова. Не находимся ли мы все еще в переходной фазе, как доказывал Давид Гордон в статье, опубликованной более 40 лет назад (Gordon, 1965)? По его мнению, «экономика находится где-то между крайними положениями, но определенно [sic!] ближе к естественным наукам, чем к гуманитарным, и, возможно, наиболее далеко продвинулась в этом направлении среди всех общественных наук» (Gordon, 1965, p. 122). Далее он утверждал, что «в экономике никогда не было больших революций [sic!]; она всегда содержала основную модель максимизации» (Ibid., p. 124). Последняя рассматривается в качестве «нашей основной парадигмы», которая, как уверяет Гордон, была сформулирована уже Адамом Смитом. Увы, привести какое-либо

подтверждение в поддержку своей мысли он забывает⁸. Утверждается, что на основе этой парадигмы «сформировалась “согласованная научная традиция” (включающая, что наиболее примечательно, Маркса)... присутствие которой можно заметить, перелистывая современную периодическую литературу» (Ibid., p. 123). Став «во многом похожей на нормальную науку», экономика, как нормальная наука, «перестала нуждаться в истории как составной части профессионального обучения» (Ibid., p. 126). В подобной перспективе закат истории экономических учений является всего лишь обратной стороной монеты, на лицевой стороне которой изображено восхождение науки к стадии зрелости. Гордон сформулировал эту мысль следующим образом: «Я предполагаю, что это сокращение по сравнению с тем уровнем, который можно назвать “ненормальным”» (Ibid.).

Похожая точка зрения высказана в ряде работ Пола Самуэльсона, особенно в его программном обращении к собранию Общества историков экономической науки, сделанном в 1987 г. в Бостоне⁹. Там он предложил идею создания, согласно его терминологии, «либеральной концепции истории экономической науки» (Samuelson, 1987), под которой он понимал переориентацию истории экономических учений «на изучение прошлого с точки зрения современного состояния экономической науки» (Ibid., p. 52). Он аргументировал свое предложение так же, как и Гордон, утверждая, что «в современной экономической науке нет кунианских прорывов» и что «наше время не является эпохой бурных свершений и создания нового захватывающего синтеза» (Ibid.). Забавно то, что, пытаясь привести пример, подчеркивающий кумулятивный характер экономики как нормальной науки, он указал на изданные Пьерро Сраффой «Труды и переписку Давида Рикардо» (Ricardo, p. 1951–73) и его новую формулировку классического подхода к теории стоимости и распределения. Хорошо известно, что Сраффа явным образом рассматривал свой анализ как возвращение на позиции классических экономистов в области теории стоимости и распределения, а также как основу для критики маржиналистской доктрины (Sraffa, 1960, p. v–vi). Таким образом, Сраффа подвергал сомнению кумулятивно-непрерывную точку зрения, принимаемую в либеральной концепции истории. С тех пор Самуэльсон во многих статьях пытался опровергнуть утверждение Сраффы (см., в частности: Samuelson, 1978)¹⁰.

Либеральная концепция все же оставляет определенное, пусть небольшое, место для истории экономических учений. Несколько лет назад один коллега сказал мне: «Зачем беспокоиться об истории экономической мысли? Все полезное присутствует в “Основаниях экономического анализа” Самуэльсона, а чего там нет, то не может иметь никакой пользы». Эта точка зрения прекрасно сформулирована в сжатой форме в названии статьи Кеннета Боулдинга: «Кому нужен Адам Смит после Самуэльсона?» (Boulding, 1971). Рассматриваемое мнение вызывает воспоминания о знаменитом высказывании, сделанном в связи с пожаром, уничтожившим прославленную на весь мир библиотеку: «Это не потеря, так как сгоревшие книги содержали либо то, что есть в Коране, либо то, чего там нет».

Перед тем как я продолжу, позвольте мне заметить, что люди, интересующиеся историей экономических учений, часто придерживаются различных неортодоксальных направлений экономической мысли. Подобный факт, отмеченный рядом исследователей (см. недавнюю работу: Vlaug, 2001), не должен вызывать удивления. Выполнение негативной задачи, поставленной перед историей экономических учений в рамках либеральной концепции и состоящей в указании на ошибки и недоразумения авторов прошлого с позиций современной экономической теории, будучи, безусловно, важным делом, вряд ли может принести удовлетворение тому, кто будет этим заниматься. Однако, как мы

увидим ниже, сфера деятельности историков экономической мысли намного шире именно по той причине, что основание, на котором выстроена большая часть современной экономической науки, совсем не столь устойчиво, как это обычно принимается представителями профессии. Меняя смысл вышеописанного предложения Самуэльсона на противоположный, мы могли бы заявить, что дальнейшая задача истории экономических учений состоит в изучении современного состояния экономической науки с точки зрения ученых прошлого. Взирая с такой выгодной позиции, становится ясно, почему историки экономической мысли практически по определению должны в большей или меньшей степени принадлежать неортодоксальному направлению экономической мысли. В идеале, они больше знают – не только экономическую науку современности, но и науку предшествующих эпох, следовательно, им известно то, что было приобретено и потеряно с течением времени. Если вы уверуете в либеральную концепцию истории или в то, что экономика – это нормальная наука, тогда вам также придется примириться с мыслью о будущей кончине истории нашей дисциплины и готовиться к смене профессии!

После такого отступления я возвращаюсь к основной теме. Во взаимоувязанной аргументации, направленной против истории экономических учений, утверждается, что по мере накопления «подтвержденного знания» возможность выбора при обучении и проведении исследований сужается. История экономических учений должна уступить место другим предметам, особенно математике, статистике и эконометрике – неотъемлемым инструментам, без которых доступ к вершинам современного знания закрыт. Доказывается, что издержки упущенных возможностей, связанных с часом, потраченным на изучение истории экономической мысли, резко увеличиваются с течением времени. Вследствие этого нашу дисциплину непременно ожидает упадок. Эти утверждения порой дополняются следующим аргументом. История экономических учений является дисциплиной, требующей много времени при условии обстоятельного изучения. Чтение только вводного курса создает опасность того, что обучение будет поверхностным и анекдотичным. Следовательно, будет лучше отказаться от предмета целиком.

Другой аргумент касается не столько истории экономических учений, сколько тех, кто специализируется в данной области, точнее, их образа в восприятии критиков. Аргумент гласит, что история экономических учений обычно изучается людьми, которые недостаточно умны для того, чтобы заниматься экономической теорией. Это прибежище для лиц со слабой математической подготовкой, что подразумевает наличие неблагоприятного отбора. Лицам, стремящимся к интеллектуальному совершенству, строго рекомендуется покинуть дисциплину. Идеи, которые давно доказали свою несостоятельность, привлекают заблуждающихся людей. Нельзя допустить того, чтобы молодые и неопытные ученые были введены в заблуждение. Для повышения научного статуса экономики необходимо отказаться от ее истории. Отречение от истории экономических учений рассматривается как акт очищения, который позволит дисциплине сосредоточить все редкие ресурсы на расширении экономических знаний.

Хотя нельзя отрицать, что некоторые историки экономической мысли не внесли прямого вклада в укрепление научной репутации дисциплины, то же самое, несомненно, может быть сказано об отдельных экономистах. В данном контексте два факта заслуживают упоминания. Во-первых, некоторые из наиболее значительных экономистов также были крупными историками экономической мысли. Вспомним, например, Карла Маркса, Евгения фон Бем-Баверка и Йозефа А. Шумпетера. И некоторые из наиболее

влиятельных экономистов-теоретиков последнего столетия проявляли глубокий интерес к истории экономики, например, Джон Мейнард Кейнс, Кеннет Эрроу, Пол Самуэльсон или Амартия Сен. Некоторые предположительные причины, объясняющие их заинтересованность, будут рассмотрены в следующем разделе. Во-вторых, более серьезной является другая проблема, состоящая в том, что, несмотря на все усилия стать нормальной наукой или быть на нее похожей, репутация экономической науки значительно снизилась за последние несколько десятилетий по сравнению с некоторыми другими дисциплинами как академической, так и общественной направленности¹¹. Если в прошлом экономика, будучи на подъеме, подавала большие надежды в отношении своих возможностей в области решения экономических и общественных проблем, то затем сиявший прежде нимб экономической науки сильно потускнел, а ее саму стали рассматривать как бесплодную дисциплину, неприменимую для решения практических проблем. Снижение репутации выразилось в том факте, что свободные места на экономических кафедрах перестали подлежать замещению и целые факультеты стали закрываться. Вряд ли можно обвинять в случившемся историков экономической мысли, но в таком случае, в чем же причина? Точнее говоря, какие недостатки имеются у основного направления современной экономической науки и почему сфера применения экономики сужается по сравнению с другими дисциплинами? И связано ли это каким-либо образом с маргинализацией таких предметов, как история экономических учений и экономическая история? Вина ли в упадке математизация дисциплины, ценой которой является отказ от других форм анализа? Или причиной снижения популярности является растущее ощущение того, что экономической теории «не хватает концептуальной ясности» (Aghion, Howitt, 1998, p. 435)? Не является ли эта тенденция выражением того факта, что экономика, страшно сказать некоторым экономистам, не смогла соответствовать стандартам нормальной науки и поэтому неизбежно теряет свое значение? И можно ли улучшить ситуацию, если отказаться от погони за тем, что некоторые экономисты считают неуловимым?

Это непростые вопросы, и всем представителям профессии придется на них отвечать. Исходя из задач данной статьи, в настоящий момент достаточно подчеркнуть, что реальную проблему создает не столько история экономических учений, сколько современное состояние самой экономической науки. Нападки на первую отдельными представителями последней можно рассматривать как ошибочную попытку обвинить в упадке всей дисциплины тех, чья профессия состоит в как можно более беспристрастном описании развития предмета. Она чем-то напоминает древнюю привычку отрубать голову тому, кто принес плохую весть. Насколько мне известно, эта привычка никогда не помогла улучшить чье-либо положение, зато от нее серьезно страдали некоторые люди.

Наконец, я должен обратить внимание на один противоречивый аргумент. Пол Ромер, специалист по теории экономического роста, в статье, написанной для книги по современному состоянию макроэкономики, изложил свое мнение следующим образом: «Уделяя слишком много внимания поклонению предкам, вы можете попасть в ловушку и упустить свой шанс увидеть вещи в новом свете» (Romer, 2005, p. 679)¹². Если быть точным, Ромер не разделяет неуважительного отношения к истории экономических учений, хотя он отчасти высмеивает «поклонение предкам». Он скорее выражает опасение, что слишком интенсивные занятия историей могут не лучшим образом отразиться на оригинальности ученого. Хотя в приведенных выше словах Ромера содержится зерно истины, также верно и то, что основательные познания в области истории экономических учений не бессмысленны. Во-первых, они уберігают от ложных притязаний

на оригинальность¹³. Во-вторых, знание истории экономических учений позволяет убереечь ресурсы от напрасных затрат на «изобретение колеса». В-третьих, история показывает, почему определенные идеи, или форма, в которой они были представлены, выходят из употребления и как этого можно избежать. Наконец, она обостряет восприятие, помогая определить, какое направление исследований могло бы быть плодотворным, а какое – нет.

Теперь я могу перейти к дополнительным аргументам в защиту истории экономических учений, в которых критикуется «провинциализм во времени», пользуясь лаконичной формулировкой Лайонелл Роббинс (Robbins, 1978, p. 2).

4. Против «провинциализма во времени»

4.1. Общие замечания

Первый аргумент состоит в том, что экономика не характеризуется беспрепятственным процессом отбора в описанном выше смысле. Внимательное рассмотрение показывает, что не все хорошее остается в экономической науке и не все плохое исчезает из нее, т. е. телеологическая точка зрения на наш предмет не подтверждается¹⁴. Очевидно, что Йозеф А. Шумпетер, крупнейший экономист-теоретик и историк экономической мысли, не придерживался взгляда на экономику как на нормальную науку. В противном случае, как он смог бы выдвинуть парадоксальное утверждение о том, что изучение истории предмета раскрывает разум студента для «новых идей» и «познания тайн человеческого мышления» (Schumpeter, 1954, p. 4)¹⁵? Определенная идея всегда нова для некоторой отдельной личности или группы людей. Идеи, впервые провозглашенные несколько лет, десятилетий или столетий назад, могут показаться поразительно новыми для современных экономистов, и чем меньше последние знают об истории предмета, тем больше может быть идей, которые будут казаться неизвестными.

Существует множество примеров того, как идеи поначалу не смогли произвести должного впечатления и были вновь открыты позже. Они были бы преданы забвению навсегда, если бы не было интереса к истории экономических учений. Идеи могут быть вновь открыты более поздними поколениями экономистов, но почему их не использовать, если они, однажды став доступными, обладают свойствами неконкурентности и неисключаемости и, таким образом, расширяют нашу базу знаний? Экономика инноваций показывает, что после совершения открытий изобретения часто не применяются из-за отсутствия благоприятных окружающих условий в момент их появления на свет, особенно из-за того, что использование изобретений не дало бы прибыли. Только после того, как окружающая среда изменится, или после появления каких-либо дополняющих изобретений в той же или других отраслях предшествующее изобретение находит фактическое применение¹⁶. Я не вижу причин, по которым похожий механизм не мог бы действовать в сфере экономических идей и концепций.

Также может иметь место ситуация, когда теория отвергается не из-за своей ложности, а потому, что форма, в которой она впервые была выдвинута, оказалась неудовлетворительной, так что защитники и критики не смогли осознать все ее возможности. Конечно, существует и более глубокая причина, объясняющая возможность возникновения такой ситуации. В целом у нас нет оснований предполагать, что аналитические инструменты, доступные экономистам в данный момент времени, всегда соответствуют сложности описываемых с их помощью концепций. Мне представляется, что проблема

противоречия между инструментами и концепциями совершенно не находит отражения в дискуссиях по истории экономической мысли. Также нет оснований думать, что подобные противоречия, будучи характерной чертой прошлого, отсутствуют в настоящем. Учитывая сложность вопросов, с которыми обычно имеют дело экономисты, можно даже прийти к заключению о том, что экономическое знание всегда напоминало и будет напоминать лоскутное одеяло¹⁷.

Сейчас нам будет достаточно воспроизвести то, что было сказано в отношении экономики развивающихся стран и экономической географии. Пол Кругмен в своей лекции, прочитанной в рамках ежегодных чтений, посвященных памяти Бертила Олина, рассказал о взлете, падении и последующем возрождении этих направлений и прямо возложил вину за их упадок на «ограниченность нашего стиля мышления» (Krugman, 1995, p. viii–ix). Характерной чертой этого стиля является то, что «к идее относятся серьезно только в случае, когда она допускает моделирование» (Ibid., p. 5). Это предполагает, что те идеи или области изучения, сложность которых превышает возможности доступных инструментов анализа, игнорируются. «Области исследования, которые до этого, пусть не лучшим образом, но изучались, опустели. Только постепенно, спустя продолжительный период времени, эти неизведанные области были открыты вновь» (Ibid., p. 3). Кругмену пришлось «бегло ознакомиться с историей идей» для того, чтобы извлечь пользу из обширного наследия, в особенности, оставленного немецкими авторами, по экономике размещения производства, начиная с фон Тюнена и заканчивая Лаунхардтом и Вебером¹⁸. Допустимость «моделирования», конечно, не означает, что модель способна выразить во всей полноте идею, имеющую только вербальную формулировку. Существуют примеры, когда модели, хотя и дают пищу для размышлений, не точны в отношении идей, которые предполагается изложить с их помощью в строгих терминах¹⁹.

Если возможен преждевременный отказ от идеи вследствие несовершенства формы ее представления, то также вероятно сохранение теории или идеи, несмотря на общеизвестные недостатки ее содержания. В действительности данное явление имеет намного большее значение, чем обычно признается. Согласно Кейнсу, «идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад». И далее: «Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени. В области экономической и политической философии не так уж много людей, поддающихся влиянию новых теорий, после того как они достигли 25- или 30-летнего возраста, и поэтому идеи, которые государственные служащие, политические деятели и даже агитаторы используют в текущих событиях, по большей части не являются новейшими. Но рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» (Keynes, 1936, p. 383; Кейнс, 1992, p. 432).

Хотелось бы знать, действительно ли сила корыстных интересов настолько мала, насколько это представлялось Кейнсу, и можно ли противопоставлять идеи интересам²⁰.

Корыстные интересы обычно используют в качестве посредников идеи для того, чтобы подчеркнуть свою законность, следовательно, интересы и идеи часто находятся в симбиотической зависимости друг от друга. Допуская все вышесказанное, мы можем следующим образом сформулировать важную проблему, поставленную Кейнсом. История экономической науки существует, более того, она никогда не кончится: хорошо это или плохо, но старые идеи и концепции по-прежнему с нами. Данное утверждение касается не только доверчивых непрофессионалов, но и наших коллег-экономистов, включая тех, кто занимается консультированием по вопросам экономической политики. Призраки прошлого все еще прекрасно себя чувствуют. Утверждение о том, что экономическая наука в целом успешно переросла период невежества и имеет дело только с идеями и концепциями, причем как первые, так и вторые истинны и плодотворны, является просто мифом, который обслуживает как корыстные интересы, так и недавно появившуюся заинтересованность совершенно иного толка.

Два особенно поразительных примера продолжающегося использования концепций, которые в целом давно показали свою несостоятельность, включают агрегированную производственную функцию и концепцию капитала как фактора производства, количество которого может быть установлено независимо от относительных цен и, следовательно, от распределения дохода²¹. В отношении агрегированной производственной функции доказано, что ее можно вывести из микроэкономических данных только при выполнении очень специфических условий²². Специалисты по макроэкономике знают или должны знать об этом, и некоторые выражают беспокойство тогда, когда используют такие функции. В контексте дискуссии о значении для экономического роста благ, обладающих свойством неконкурентности, Пол Ромер подчеркивал: «В конце концов, можем ли мы нанести дополнительный вред небрежным отношением к различию между конкурирующими и неконкурирующими благами, если собираемся использовать агрегированную производственную функцию, грубо упрощающую процесс экономической деятельности?» (Ромер, 1994, р. 15–16). Интересно, что тот же Ромер заявил двумя годами позже: «Всего лишь 30 лет назад многие экономисты выступали против математической формулировки взаимосвязи между выпуском и капиталом с использованием концепции агрегированной производственной функции и понятия агрегированного запаса капитала, $Y = f(K, L)$ » (Ромер, 1996, р. 202). Положение вещей с тех пор изменилось. Каким образом стала возможна ситуация, когда многие из сторонников мнения о том, что экономика примыкает к естественным наукам, в то же самое время защищают использование аналитических концепций, которые не подтверждаются?

Ответ на этот вопрос имеет методологический, а не теоретический характер. Использование агрегированной производственной функции защищается на том основании, что значение имеет не реализм основных предпосылок теории, а ее предсказательная сила, «достоверность» результатов, получаемых с ее помощью. Можно выбирать какие угодно предпосылки, удовлетворяющие данному условию, невзирая на то, насколько смело, нереалистично или даже фантастически они выглядят со стороны. Использование искусственных конструкций, таких как бессмертный «репрезентативный субъект», максимизирующий свою полезность на бесконечном промежутке времени, всегда оправдывается подобным образом. Современная экономическая наука в значительной мере находится под влиянием того или иного варианта инструменталистской методологии. Впервые этот прием был предложен молодым Шумпетером (Schumpeter, 1908), затем он активно пропагандировался Милтоном Фридменом (Friedman, 1953). Данный подход имеет ряд проблем, которые весьма подробно изложены в литературе²³. В настоящей

работе достаточно отметить два момента. Во-первых, согласно методологии инструментализма теорию нельзя отклонить просто на том основании, что возникают сомнения по поводу строительных блоков, из которых она состоит, или даже доказана их несостоятельность. Однако как в подобном случае можно было бы удалить «ошибочные» идеи из свода экономических знаний? По-видимому, инструментализм противоречит взгляду на экономику как на кумулятивную науку и, следовательно, либеральной концепции истории экономической мысли. Второе положение тесно связано с первым и подкрепляет его. Так как не существует общепризнанной точки зрения на то, каким образом оценивать «предсказательную силу» теории, в экономике отсутствует четкий критерий определения качества теории и выбора из нескольких теорий той, которая превосходит остальные. Чтобы проиллюстрировать неопределенность по поводу способов оценки эмпирических результатов альтернативных моделей, обратимся, например, к утверждению Мэнкью и его коллег, которые настаивали на том, что общепринятый подход Солоу к изучению экономического роста лучше по сравнению с конкурирующими с ним «новыми» или «эндогенными» моделями роста (Mankiw et al., 1992). Хотя внешне дело может выглядеть именно так, Фелипе и Маккомби показали, что для удовлетворенности нет причины, так как «хорошая подгонка» объясняется присутствием балансового тождества, которое оценивается в модели Солоу (Felipe, McCombie, 2005).

Короче говоря, у современных экономистов нет оснований для того, чтобы смотреть свысока на выдающихся ученых прошлого, а знание (возможно, более глубокое) трудов предшественников во многих случаях пошло бы им на пользу. В сложившихся условиях историки экономической мысли могли бы быть полезны при решении задач тройного рода. Во-первых, можно рассчитывать на то, что они знают происхождение и развитие идей, которые еще правят миром, но уже не пользуются популярностью среди представителей нашей профессии. Историки могли бы выступать в качестве критиков, интерпретаторов или посредников, которые реставрировали бы исторические условия, господствовавшие в момент появления рассматриваемых идей, и определяли то, в какой степени они обязаны своим появлением действию корыстных интересов. Историки могли бы описать процесс трансформации идей во времени, определить их текущий смысл и объяснить причины приверженности к ним отдельных людей. Историки могли бы предоставлять сведения обеим группам своих постоянных заказчиков – специалистам и непрофессиональной публике. Во-вторых, историки экономической мысли, по крайней мере те, которые являются специалистами по общим вопросам, должны, в принципе, уметь выполнять функции посредника между экономистами, специализирующимися в различных областях экономики. Как хорошо знал Адам Смит, специализация, которую он описал яркими красками, имеет свою цену в виде деградации и лишений, испытываемых «трудящимися бедняками». В экономике происходит нечто подобное: углубление разделения труда сопровождается ростом фрагментизации знания. Образ экономиста, знающего все о ничтожной по величине проблеме и очень немного или ничего об остальном, уже практически вошел в поговорку²⁴. В той мере, в какой историки экономической мысли способны идти в ногу с общим развитием экономического анализа, они могли бы выполнять полезные функции, похожие на описанные Адамом Смитом задачи, стоящие перед «учеными или теоретиками, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего и которые в силу этого в состоянии *комбинировать силы наиболее отдаленных друг от друга и несходных предметов*. С прогрессом общества наука, или умозрение, становится, как и всякое другое

занятие, главной и единственной профессией и занятием особого класса граждан» (Smith, 1976; Смит, 1993, р. 88; курсив наш. – Х. К.).

Хотя историкам экономической мысли едва ли стоит бороться со складывающимися тенденциями в сфере экономической специализации, они могут внести весомый вклад в устранение ее негативных последствий. Конечно, это предполагает, что достаточно большое число историков следят за тем, что происходит в современной экономической науке, и вступают в активную дискуссию с экономистами-теоретиками (последнее может включать обращение к себе). Мне известно предупреждение Дональда Винча о том, что все это может свестись к «диалогу глухих» (Winch, 1997, р. 401), но результат может быть и иным. В последнем случае произойдет снижение уровня фрагментизации знания в каждом из разделов экономики и улучшится взаимопонимание и взаимоуважение между теоретиками и историками. И то, и другое крайне необходимо. Очевидно, что провинциализм во времени представляет опасность не только для современных экономистов-теоретиков: в ту же самую ловушку может попасть и историк экономической мысли. С провинциализмом во времени следует бороться с обеих сторон²⁵.

Наконец, историкам экономической мысли следует выполнять функцию критиков как современных экономистов, так и ученых прошлого. Было бы несправедливо ограничивать их деятельность критикой только последних. Современная экономическая наука, как мы видели, внутренне связана с методологией инструментализма и поэтому основной задачей историков экономической мысли является проведение критической оценки этого подхода и его сравнение с альтернативными точками зрения. Это необходимо делать с помощью общего абстрактного анализа и затем подтверждать примерами из современной аналитической практики. Огромный объем работы ожидает исследователя!

Современный экономический анализ также можно использовать для подкрепления аргументов в пользу истории экономических учений. Как было сказано выше, последняя представляет собой кладезь идей, которые могут быть использованы современными экономистами. Мы уже процитировали отрывок из главы I «О разделении труда» книги I «Богатства народов» Адама Смита, в котором упоминаются «ученые и теоретики», чье основное занятие представляет собой повторяющиеся акты «комбинирования» существующих частиц знания с целью создания новых экономически полезных элементов. Таким образом, комбинаторную метафору как абстрактное описание инновационного процесса уже можно найти у Смита (и, возможно, задолго до него). Она возникает вновь в образе шумпетеровских «новых комбинаций» (Schumpeter, 1934, р. 66) и в несколько иной форме как «дерево знаний» у Кеннета Боулдинга (Boulding, 1956, р. 95). Позднее Мартин Вайцман выразил ее с помощью комбинаторного анализа в своей концепции «рекомбинантного роста» (recombinant growth) (Weitzman, 1998).

Мы можем провести аналогию между знанием, полученным в технической сфере, и запасом сведений, которым оперируют в экономике. Можно начать с парафразирования утверждения, которое Кеннет Эрроу впервые выдвинул в связи с технологическим прогрессом (Arrow, 1969, р. 29–30). В идеальном случае прогресс в области экономической теории заключается, прежде всего, в снижении неопределенности способа функционирования экономической системы. Продуктом экономического исследования является наблюдение за миром, которое снижает возможный диапазон необъясненной вариации в данных. Прогресс обычно происходит посредством сочетания по-новому и развития известных идей. Таким образом, новые концепции производятся с помощью старых идей. Сказанного самого по себе достаточно для совершенно ясного понимания

идеи о том, что экономическая наука не может существовать без своей истории. Просто любая идея, выдвинутая в наши дни, имеет предысторию. Ведь не просто так воображали, что Афина Паллада, богиня искусств, ремесел и науки, возникла из головы Зевса. Можно утверждать, что история экономических учений имеет такое же значение для экономики, какое Зевс для Афины Паллады, хотя взаимосвязь между первыми истинна, а вторых связывают мифологические отношения. Следовательно, крайне смешно выглядят попытки некоторых современных экономистов представить свою собственную работу как полностью самостоятельное творение. Вещей, сделанных от начала до конца самостоятельно, не бывает (см. также: Vlaug, 2001, p. 156). Даже если боги имели прародителей, то не нужно удивляться, что и у экономистов есть предшественники. Ощущение чувства гордости за то, что в работе цитируются только статьи, опубликованные в течение последних пяти лет, свидетельствует не об учености, а о невежестве. Я не собираюсь оспаривать тот факт, что существуют новые области исследования, которые не имеют длительной истории развития, но чаще дело обстоит иным образом. Я также не желаю, чтобы читатели из моих слов сделали вывод о том, что при написании работы по определенной теме автор должен упомянуть всех предшественников, работавших в рассматриваемой области. Ничего такого не предлагается. Достаточно того, чтобы не было признаков удовлетворенности и высокомерия.

Теперь мы можем вслед за Вайцманом придать комбинаторной метафоре более определенную форму. Как подчеркивал Вайцман, зависимость между появлением «новых идей» и «усилиями исследователя» не является экзогенно детерминированной «наподобие банальной общепринятой взаимосвязи между затратами и выпуском». Вайцман утверждал: «Мне представляется, что здесь мы имеем дело с чем-то принципиально иным. Усилия исследователя приводят к появлению новых идей, создаваемых на основе имеющихся знаний в ходе кумулятивно-интерактивного процесса... Мне кажется, что в центре исследовательской деятельности находится некая процедура поиска образа или комбинации» (Weitzman, 1998, p. 332).

Согласно Вайцману, происходящее сравнимо с функционированием агрономической исследовательской станции, на которой пары существующих «культивируемых сортов идей» скрещиваются с целью получения новых «гибридных идей». Если обозначить число «культивируемых сортов идей» как I , то соответствующее число бинарных комбинаций, которые можно получить на основе I , или $C_2(I)$, определяется следующей формулой:

$$C_2(I) = \frac{I!}{(I-2)!2!}.$$

Например, если $I = 4$, то $C_2(4) = 6$; когда $I = 5$, тогда $C_2(5) = 10$; в случае, если $I = 6$, то $C_2(6) = 15$ и т. д. В экономической науке новые теории появляются вследствие соединения нескольких ранее известных идей или как результат новой формулировки последних.

Смысл другого важного аргумента Вайцмана, имеющего достаточно механистический характер, состоит в том, что соединение имеющихся идей новым способом дает заметное увеличение числа теорий с темпом, который превышает темп экспоненциального роста. Если бы совокупный потенциал рекомбинантного процесса всегда использовался полностью, то темп роста числа единиц знания практически безгранично

увеличивался бы во времени. Если все приведенные аргументы можно применить к процессу создания знания в сфере экономики, а я, несмотря на некоторый скептицизм, допускаю это, то забвение истории экономических учений нанесет вред экономической науке.

4.2. Два примера

В заключительной части данного раздела я приведу два примера, которые иллюстрируют некоторые из положений, сформулированных в абстрактной форме выше²⁶.

Пример 1. В этом примере рассматривается повторное открытие Пьерро Сраффой классического прибавочного подхода к теории стоимости и распределения и его утверждение о том, что классический анализ принципиально отличается от теории спроса и предложения маржиналистских авторов, которое прямо противоречило общепринятой маршаллианской интерпретации. Выводы, полученные Сраффой, позволили предложить принципиально иную интерпретацию идей классических экономистов и выработать новую связную формулировку их доктрины стоимости и распределения. Как Сраффа был убежден, эта теория была преждевременно отвергнута вследствие печального недоразумения, суть которого состоит в том, что использованная классическими экономистами неверная форма представления, основанная на понятии трудовой стоимости, была ошибочно принята за неполноценное содержимое. Следовательно, на протяжении десятилетий потенциал классического подхода оставался недостаточно раскрытым, что является примером полного прекращения действия процесса отбора, который бесосновательно считался эффективным²⁷.

Для экономистов классической школы одной из наиболее сложных проблем, связанных с динамизмом современной экономики, были растущие разнообразие и неоднородность вещей – товаров, услуг, рабочей силы и т. д. Что делать со все расширяющейся вселенной вещей? Сейчас мы можем рассмотреть только один аспект этой проблемы. Рикардо чувствовал, что в мире, характеризующемся повсеместными количественными и качественными изменениями, его фундаментальные положения, касающиеся распределения дохода, придется формулировать с помощью величин, которые не зависят от *типа* производимых товаров. Такими величинами являются, с одной стороны, *доля* заработной платы в общественном продукте (или «пропорциональная» заработная плата в противоположность реальной или товарной заработной плате), с другой стороны, *норма* прибыли: «Чем больше доля продукта труда, достающаяся рабочим, тем меньше должна быть норма прибыли, и наоборот (Ricardo, *Works*, vol. VIII, p. 194). Предполагалось, что утверждение Рикардо будет применяться по отношению к системам, находящимся в непрерывном движении, т. е. характеризующимся накоплением капитала, ростом населения, редкостью некоторых естественных ресурсов и технологическим прогрессом. Однако положение Рикардо не было полностью корректно, так как в условиях кругового потока, когда товары производятся посредством товаров, общая норма прибыли, r , зависит не только от доли заработной платы, w . Уже Маркс понял, а Сраффа показал, что она также зависит от максимальной величины нормы прибыли, R , которая представляет собой техническую характеристику используемой системы производства и отражает ее способность создавать прибавочный продукт. Если заработки рабочих выплачиваются *post factum*, а цены и заработная плата выражены в единицах «стандартного товара», искомое выражение общей нормы прибыли выглядит следующим образом:

$$r = R(1 - w).$$

Полученное выражение выполняется безотносительно степени неоднородности и разнообразия товаров, являясь, таким образом, подходящим инструментом для изучения изменений r во времени посредством анализа вариации ключевых факторов R и w – объема технических знаний, овеществленных в действительно используемых методах производства, и распределения дохода. Полученное выражение подтверждает интуитивное умозаключение Рикардо, который в письме к Мальтусу от 9 октября 1820 г. написал следующее: «Вы полагаете, что политическая экономия – это исследование о природе и причинах богатства. Я считаю, что ее скорее следует называть исследованием природы законов, которые задают распределение продукта промышленности между классами, содействовавших его созданию. *Закон, определяющий количества, сформулировать нельзя, однако можно найти достаточно корректную закономерность, описывающую пропорции*» (Ricardo, *Works*, vol. VIII, p. 278–279; курсив наш. – Х. К.).

Я уверен, что в этом состоит квинтэссенция идей Рикардо: для системы, испытывающей постоянные внутренние изменения, экономический «закон» может быть сформулирован только в отношении *пропорций* распределения.

Неудача, которую потерпели классические экономисты в разработке согласованной теории стоимости и распределения, основанной на концепции общественного прибавочного продукта, объясняется не ошибочностью аналитических концепций, а несоответствием аналитических инструментов, находящихся в их распоряжении, предъявляемым требованиям. Когда Сраффа, наконец, смог решить проблемы, с которыми они столкнулись при разработке их собственного подхода, произошло углубление нашего понимания и экономической теории, и идей классических экономистов, следовательно, расширение знания протекало как создание совместного продукта.

Пример 2. Во втором примере рассматривается, как современные экономисты пытаются прийти к пониманию динамического характера современной экономики, что в некоторой степени напоминает идеи классических экономистов, особенно Смита. Я буду опираться на изданную в 1990 г. работу «Эндогенные технологические изменения» Пола Ромера (Romer, 1990). Как Ромер берется за рассматриваемую проблему? Он объединяет такие элементы, как:

а) эндогенное производство новых «промышленных образцов» (industrial designs), взятое из работы Ромера (Romer, 1986);

б) формальную модель экономического роста с учетом человеческого капитала из работы Роберта Лукаса (Lucas, 1988);

в) спецификацию продуктового многообразия физического капитала, заимствованную из статьи Эвинэша Диксита и Джозефа Стиглица (Dixit and Stiglitz, 1977).

Таким образом, можно сказать, что модель Ромера служит примером комбинаторного механизма создания знания. Деятельность экономистов-теоретиков обычно имеет синтетический характер, и нет причины отвергать это.

Тщательный анализ показывает, что главные идеи, лежащие в основе модели Ромера, имеют предысторию, которая может быть прослежена. Новым является перевод на формальный язык макроэкономической теории межвременного равновесия, т. е. адаптация к современному «стилю мышления» того, что было уже довольно хорошо известно. Пункт а), включающий идею учреждения отрасли исследований и развития, создающей новое полезное с экономической точки зрения знание, предполагает углубление

разделения общественного труда, что было описано Смитом и, конечно, многими другими более ранними авторами. Пункт б), содержащий мысль о влиянии образования на формирование человеческого капитала, также предвосхитил Смит. Вспомним его утверждение: «Человек, изучивший с затратой большого труда и продолжительного времени какую-либо из тех профессий, которые требуют чрезвычайной ловкости и искусства, может быть сравнен с такой же дорогой машиной» (Smith, 1976, I.x.b.6; Смит, 1993, р. 165). Создание таких дорогих человеческих «машин» предполагает наличие достаточно большого рынка и, следовательно, является составной частью дальнейшего углубления разделения труда, которое стимулирует появление новых методов производства, увеличивающих производительность работников.

Однако согласно оценке самого Ромера, подлинную новизну статье придает идея, присутствующая в пункте с): «Необычное свойство [sic!] производственной функции, принятой в данной статье, состоит в том, что в ней капитал разгруппирован на бесконечное количество различных типов производственных товаров длительного пользования» (Romer, 1990, S. 80). Побудительной причиной принятия такой предпосылки служит эмпирический факт, подчеркнутый классическими экономистами, согласно которому экономическое развитие выражается, помимо прочего, в росте численности и разнообразия созданных средств производства. Гипотеза сводится к тому, что производительность экономической системы в целом как-то связана с численностью капитальных благ. Ромер выражает ее с помощью следующего расширения функции Кобба–Дугласа:

$$Y(H_Y, L, x) = H_Y^\alpha L^\beta \sum_{i=1}^{\infty} x_i^{1-\alpha-\beta},$$

где H_Y обозначает количество человеческого капитала, использованного в секторе, выпускающем конечную продукцию; L представляет собой численность рабочих, занятых

в нем, а $\sum_{i=1}^{\infty} x_i^{1-\alpha-\beta}$ отражает величину использованной промежуточной продукции. Та-

ким образом, конечный выпуск представляет собой аддитивную сепарабельную функцию количеств различных промежуточных товаров. Так как количество последних в заданный момент времени ограничено и равняется A , $x_i = 0$ для всех $i > A$. С течением времени A растет, что предполагает увеличение совокупного выпуска, производительности труда и дохода, приходящегося на одного работника.

Подробное рассмотрение модели Ромера показывает, что неоднородность и многообразие производительных благ в его модели скорее кажущиеся, чем реальные. Фактически принимается, что все капитальные блага пропорциональны друг другу независимо от относительных цен и распределения дохода²⁸. Однако этот спорный момент модели сейчас нас не интересует. Также оставим в стороне другие свойства модели, вызывающие беспокойство, такие как предпосылка о том, что «знание» и «человеческий капитал» имеют свойство *кардинальной* измеримости²⁹. Лучше сравним идею, предложенную в пункте с), в которой учитывается влияние улучшения машин и других средств производства на рост производительности, с более ранними концепциями, для того, чтобы показать преимущества и недостатки формализации Ромера.

Теория растущего «многообразия продукции» имеет поразительную схожесть с концепцией «преимущества окольных методов производства», с которой выступали представители австрийской школы. Первоначально Карл Менгер разработал ее исключительно

для того, чтобы дать интерпретацию смитовской идее углубления разделения труда с течением времени. В своем наиболее позднем варианте, представленном в трудах Бем-Баверка, она превращается в статическую теорию, предназначенную для анализа процесса выбора технологии и описания альтернативных методов производства в заданный момент времени. Для решения этой задачи Бем-Баверк разработал концепцию «среднего периода производства». Хорошо известно, что концепция Бем-Баверка справедлива только при выполнении чрезвычайно специфических условий.

В сравнении с первоначальными интерпретациями предложенную Ромером трактовку (растущего) разнообразия производственных благ можно рассматривать как попытку убить одним выстрелом двух зайцев. С одной стороны, Ромер пытается учесть смитовскую динамическую концепцию разделения труда с вытекающей дифференциацией средств производства. С другой стороны, ему якобы удается агрегировать неоднородные производственные блага без использования информации об относительных ценах и, таким образом, без учета величины нормы прибыли. В отношении первой составляющей проблемы можно сказать, что в модели Ромера используется некий вариант концепции «абсолютного периода производства», «длина» которого задается действительно использованным количеством промежуточных благ различного вида, A . С течением «времени», т. е. по мере увеличения A , уровень «окольности» производства увеличивается и, следовательно, оно становится «более совершенным», что выражается в росте производительности труда и дохода на душу населения. Тем не менее использованный Ромером метод учета «удлинения» периода производства довольно специфичен. Ромер принимает, что абсолютно все промежуточные блага имеют бесконечные сроки службы как в техническом, так и в экономическом смысле. Таким образом, одни промежуточные продукты не подлежат замещению другими, т. е. однажды произведенные промежуточные блага будут использоваться всегда. Можно показать на примере то, что отсюда следует. Предположим, что конечным продуктом является пшеница. Если для ее производства в Древнем Египте использовались только палки-копалки, тогда из модели следует, что в настоящее время *одновременно применяются* и палки-копалки, и плуги, и крупный рогатый скот, и тракторы, и зерноуборочные комбайны и т. д. Несомненно, такая формализация растущего разнообразия производственных благ, прямо противоречащая первым попавшимся фактам, является крайне спорной.

Приведенных выше замечаний должно быть достаточно. Читатели могут сами подробнее ознакомиться с моделью Ромера и составить представление о преимуществах и недостатках предложенной им методики.

5. Заключительные замечания

В данной статье доказывается, что в процессе создания экономического знания не действует совершенный механизм отбора, благодаря которому якобы каждая верная и плодотворная экономическая идея сохраняется, а любая ложная и бесплодная концепция отвергается. Показывается необоснованность телеологического взгляда на экономику. Вследствие этого задача истории экономических учений не может быть сведена к изучению прошлого с позиции современной экономической науки. Другой важной и, возможно, более плодотворной с познавательной точки зрения задачей является изучение современного состояния экономики с теоретических позиций экономистов прошлых лет. История дисциплины представляет собой сокровищницу идей, поскольку

возможный темп роста числа концепций, возникших в процессе новых сочетаний уже существующих теорий, превышает экспоненциальный темп роста. Если бы потенциал рекомбинаторного процесса всегда использовался полностью, тогда темп роста количества элементов знания с течением времени возрастал бы бесконечно. История экономических учений как часть экономики могла бы выполнять полезную функцию, заключающуюся в сохранении ценных идей, которых, в противном случае, ожидало бы забвение. Следовательно, поощрение нашей дисциплины также отвечает интересам экономистов в широком смысле. Можно перефразировать знаменитое изречение Адама Смита следующим образом: «Не от [их] благожелательности... ожидаем мы получить... [право на существование как историков экономической мысли], а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» (Smith, 1976, p. I.ii.2; Смит, 1993, p. 91).

Статья содержит ряд примеров, подтверждающих ее основные тезисы. В частности, доказываем, что классический подход к теории стоимости и распределения был преждевременно отвергнут, поскольку недостатки формулировок были ошибочно приняты за неполноценность содержания. Помимо прочего, подчеркивается, что экономисты классической школы стремились учесть в своих сочинениях такой бесспорный симптом развития и роста, как увеличивающееся разнообразие товаров. В статье подробно рассматривается известная недавняя статья Пола Ромера на тему эндогенного роста, в которой также присутствует вариант решения проблемы растущего многообразия производственных товаров длительного пользования как составной части процесса разделения труда. Доказываем, что некоторые свойства модели Ромера спорны. Так, в соответствии с краткой формулировкой одного из критиков, в модели однородность «выглядит как многообразие». В модели Ромера хорошо выражено свойство, которое Кругмен охарактеризовал как «ограниченность» современного «стиля мышления» в экономике, состоящее в том, что идея привлекает к себе внимание только в случае, если она выглядит как оптимизационная модель. Однако такая практика часто превращается в прокрустово ложе, куда втискиваются хорошо известные и вполне разумные идеи. Чистый результат, получаемый от использования такого стиля мышления, не всегда очевиден, а в отдельных случаях он может быть отрицательным.

На основе вышесказанного мы можем утверждать, что экономическая наука является слишком важным предметом для того, чтобы ее можно было отдать на откуп нашим коллегам экономистам-теоретикам.

References*

- Aghion, P. and Howitt, P. (1998). *Endogenous Growth Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Arrow, K. (1969). Classificatory notes on the production and transmission of technological knowledge. *American Economic Review. Papers and Proceedings*, 59: 29–35.
- Audi, R. (1998). *Epistemology. A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge*, 2nd edition. New York and London: Routledge.

---

* При переводе статьи, кроме авторских, были использованы следующие источники: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики: В 2 т. Т. 2. М., 1992; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. М., 1993 – Прим. ред.

- Blaug, M. (ed.) (1991). *The Historiography of Economics*. Aldershot: Edward Elgar.
- (1997). *Economic Theory in Retrospect*, 5th edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- (2001). No history of ideas please, we're economists. *Journal of Economic Perspectives*, 15: 145–164.
- Boehm, S., Gehrke, C., Kurz, H. D. and Sturn, R (eds) (2002). *Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Boulding, K.E. (1956). *The Image. Knowledge in Life and Society*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- (1971). After Samuelson who needs Adam Smith? *History of Political Economy*, 3: 225–237.
- Cesarano, F. (1983). On the role of the history of economic analysis. *History of Political Economy*, 15(1). Переиздана в: Blaug (1991).
- Dixit, A. and Stiglitz, J. (1977). Monopolistic competition and optimum product diversity. *American Economic Review*, 67: 297–308.
- Felipe, J. and McCombie, J.S.L. (2005). Why are some countries richer than others? A skeptical view of Mankiw-Romer-Weil's test of the neoclassical growth model. *Metroeconomica*, 56: 360–392.
- Friedman, M. (1953). On the methodology of positive economics. In M. Friedman, *Essays in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Garegnani, P. (2005). On a turning point in Sraffa's theoretical and interpretative position in the late 1920s. *European Journal of the History of Economic Thought*, 12(3): 453–492.
- Gehrke, C. and Kurz, H. D. (2006). Sraffa on von Bortkiewicz: reconstructing the classical theory of value and distribution. *History of Political Economy*, 38(1): 91–149.
- Goethe, J.-W. von (1953). *Schriften zur Kunst, Schriften zur Literatur*, vol. 12 of the *Hamburg Edition*. Hamburg: Christian Wegner.
- Gordon, D. F. (1965). The role of the history of economic thought in understanding modern economic theory. *American Economic Review*, 55: 119–127. Переиздана в: Blaug (1991).
- Hayek, F. A. von (1937). Economics and knowledge. *Economica*, new series, IV: 33–54.
- Henderson, H. (2005). Prix Nobel d'Économie: 1'imposture. *Le Monde diplomatique*, February.
- Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*, vol. VII of *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, ed. A. Robinson and D. Moggridge. London: Macmillan.
- (1970). *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, vol. IX, ed. A. Robinson and D. Moggridge. London: Macmillan.
- Krugman, P. (1995). *Development, Geography, and Economic Theory*. Cambridge, MA, and London: MIT Press.
- Kurz, H. D. (ed.) (2000). *Critical Essays on Piero Sraffa's Legacy in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- (2005a). The agents of production are the commodities themselves: on the classical theory of production, distribution and value. *Structural Change and Economic Dynamics*, 17(1): 1–26.
- (2005b). *Joseph A. Schumpeter – Sozialökonom zwischen Marx und Walras*. Marburg: Metropolis.
- and Salvadori, N. (2004). 'Man from the Moon': on Sraffa's objectivism. *Economies et Societes*, 35: 1545–1557.

- (2005). Representing the production and circulation of commodities in material terms: on Sraffa's objectivism. *Review of Political Economy*, 17(3): 413–441.
- Lapidus, A. (1996). Introduction à une Histoire de la Pensée Economique qui ne verra jamais le jour. *Revue économique*, 47(4): 867–892.
- Lawson, T. (1997). *Economics and Reality*. London: Routledge.
- Lucas, R. E. (1988). On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 22: 3–42.
- (2002). *Lectures on Economic Growth*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press.
- Machlup, F. (1980). *Knowledge and Knowledge Production*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Mankiw, G., Romer, D. and Weil, D. (1992). A contribution to the empirics of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 107: 407–437.
- Nagel, T. (1986). *The View from Nowhere*. Oxford and New York: Oxford University Press.
- Park, M. (2006). Homogeneity masquerading as variety: the case of horizontal innovation models. *Cambridge Journal of Economics* (forthcoming).
- Pigou, A. C. (1920). *The Economics of Welfare*. London: Macmillan.
- Prigogine, I. (2005). The rediscovery of value and the opening of economics. In K. Dopfer (ed.), *The Evolutionary Foundations of Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 61–69.
- Ricardo, D. (1951–73). *The Works and Correspondence of David Ricardo*, 11 vols, ed. Piero Sraffa with the collaboration of Maurice H. Dobb. Cambridge: Cambridge University Press. В статье ссылки выглядят следующим образом: *Works*, vol. no.
- Robbins, L. (1978). *The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*, 2nd edition. London: Macmillan.
- Romer, P. M. (1986). Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 94: 1002–1037.
- (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 98: S71–S102.
- (1994). The origins of endogenous growth. *Journal of Economic Perspectives*, 8: 3–22.
- (1996). Why, indeed, in America? Theory, history, and the origins of modern economic growth. *American Economic Review. Papers and Proceedings*, 86: 202–206.
- (2005). Interview with Paul M. Romer. In B. Snowden and H.R. Vane, *Modern Macroeconomics. Its Origins, Development and Current State*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 673–694.
- Ruse, M. (1988). Molecules to men: evolutionary biology and thoughts of progress. In M.H.H. Nitecki (ed.), *Evolutionary Progress*. Chicago, IL: Chicago University Press.
- Samuelson, P. A. (1962). Economists and the history of ideas. *American Economic Review*, 52: 1–18.
- (1978). The canonical classical model of political economy. *Journal of Economic Literature*, 16: 1415–1434.
- (1987). Out of the closet: a program for the Whig history of economic science. *History of Economics Society Bulletin*, 9: 51–60.
- Say, J. B. (1840). *Cours complet d' économie potitique pratique*, 2nd edition, vol. 2. Paris: Guillaumin.
- Schumpeter, J. A. (1908). *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen National-ökonomie*. Leipzig: Duncker and Humblot.

– (1934). *The Theory of Economic Development. An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Reprint (1983) Transaction, Inc.

– (1954). *History of Economic Analysis*. London: Allen and Unwin.

Smith, A. (1976). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, two vols. In *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith*, ed. R. H. Campbell and A. S. Skinner. Oxford: Oxford University Press.

Sraffa, P. (1960). *Production of Commodities by Means of Commodities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Steedman, I. (2003). On 'measuring' knowledge in new (endogenous) growth theory. In N. Salvadori (ed.), *Old and New Growth Theories: An Assessment*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 127–133.

Weitzman, M. (1998). Recombinant growth. *Quarterly Journal of Economics*, 113: 331–360.

Whitehead, A. N. (1926). *Science and the Modern World*, Lowell Lectures 1925. Cambridge: Cambridge University Press.

Winch, D. (1962). What price the history of economic thought. *Scottish Journal of Political Economy*, 9(1): 193–204.

– (1997). Adam Smith's problems and ours. *Scottish Journal of Political Economy*, 44(4): 384–402.

– (2000). 'Does progress matter?' *European Journal of the History of Economic Thought*, 7(4): 465–484.

---

¹ См., напр., работы, представленные в: (Blug, 1991, Winch, 2000, Boehm et al., 2002).

² Индекс SSCI и частная компания ISI, разработавшая его, занимают практически монопольную позицию в данной области. А. Смит был убежден, что «монополия является великим врагом хорошего хозяйства: последнее может получить всеобщее распространение только в результате того свободного и всеобщего соперничества, которое вынуждает каждого прибегать к хорошему ведению хозяйства в интересах самозащиты» (Smith, 1976, p. lxi.b.5; Смит, 1993, p. 208). Я убежден, что определенная конкуренция в рассматриваемой области также имела бы благотворное влияние.

³ Само собой разумеется, что я ни в коей мере не собираюсь обсуждать значимость истории экономических учений как дисциплины, изучающей вклад экономистов, живших в то же время и в том же месте, важность исторических реконструкций, необходимость изучения оригинальных источников, роль архивной работы и т. д. Однако у рассматриваемой проблемы имеется межвременной аспект, который и будет обсуждаться в дальнейшем.

⁴ Нерио Нальди обратил мое внимание на тот факт, что Пигу сформулировал представленную выше версию взгляда Маршалла на то, что такое экономика, в своей лекции под названием «Экономическая теория и практика», прочитанной в 1908 г. при передаче ему должности профессора кафедры, которую до него занимал Маршалл.

⁵ Эта проблема тесно связана с вопросом о том, насколько наши коллеги-экономисты чувствуют себя лучше в данной связи. Снижение репутации экономической науки относительно других дисциплин на протяжении нескольких последних десятилетий свидетельствует об обратном. Я вернусь к обсуждению этого вопроса ниже.

⁶ См. в данной связи высказывание Ильи Пригожина: «Во всех областях – физике, космологии или экономике – мы прошли путь от конфликтующих между собой точек зрения (certitudes) прошлого к периоду изучения и новых открытий. В этом, возможно, состоит одна из черт переходного этапа, с которым мы столкнулись в начале наступившего нового столетия» (Prigogine, 2005, p. 69).

⁷ Цит. по: (Lapidus, 1996, p. 870).

⁸ Отрицание неоклассической интерпретации идей Смита см.: (Winch, 1997).

⁹ Интересно отметить то, что, комментируя идею кумулятивного характера знания в своей статье 1962 г. под названием «Экономисты и история идей» Самуэльсон явно признавал только следующее: «Кумулятивным является математическое знание» (Samuelson, 1962, p. 5, n. 2).

¹⁰ Современную оценку вклада Сраффы с различных позиций, в том числе, с той, которой придерживается Самуэльсон, см.: (Kurz, 2000). Обсуждение точки зрения Самуэльсона на классических экономистов и Сраффу см. в статье (EJNET, vol. 14(1), 2007), содержащей обмен мнениями между Гареньяни и Самуэльсоном. Анализ сраффианской интерпретации идей классических экономистов и маржиналистов, проведенный на основе неопубликованных работ Сраффы, см.: (Garegnani, 2005; Kurz, 2005a; Kurz and Salvadori, 2005; Gehrke and Kurz, 2006).

¹¹ Относительное снижение репутации экономической науки, возможно, лучше всего проявляется в оценке другими учеными достижений некоторых так называемых нобелевских лауреатов см.: (Henderson, 2005). Хотя основанная на средства Альфреда Нобеля премия, носящая его имя, присуждается Шведской королевской академией наук, премия по экономике выдается Центральным банком Швеции.

¹² Я выражаю благодарность Мансеопу Парку, который обратил мое внимание на это высказывание в октябре 2005 г. в Корейском университете, куда я был приглашен для прочтения лекций.

¹³ Недоброжелатель мог бы утверждать, что лица, призывающие отказаться от истории экономических учений, заинтересованы в ограничении конкуренции идей, предоставлении преимуществ современникам и устранении предложенных экономистов прошлого.

¹⁴ На этом настаивают ряд историков экономической мысли, например Лапидус (Lapidus, 1996). Даже если развитие в том или ином смысле происходит, оно не обязательно носит линейный характер. Цесарано (Cesarano, 1983) предъявил захватывающие внимание факты, свидетельствующие о том, что эволюция теории денег имела циклическую природу, характеризующуюся исчезновением и последующим возвращением определенных идей.

¹⁵ О вкладе Шумпетера в экономический анализ и изучение его истории см., напр.: (Kurz, 2005b).

¹⁶ Вспомним, например, обсуждение Рикардо случая о том, что улучшенная машина может быть введена в эксплуатацию только после того, как денежная заработная плата возрастет вследствие роста продовольственных цен из-за действия закона убывающей отдачи в сельском хозяйстве (Ricardo, *Works*, vol. I, p. 395).

¹⁷ Пол Самуэльсон написал в отношении экономических дискуссий прошлого: «Перебранки между современниками необходимо истолковывать с учетом условий тех времен, когда писатели не совсем понимали собственные теории» (Samuelson, 1987, p. 56). Как мне кажется, нет оснований считать, что эти времена прошли или когда-либо пройдут в экономике.

¹⁸ Обобщающую оценку этого направления см.: (Blaug, 1997, ch. 14).

¹⁹ Как отметил в частной переписке со мной Жильберт Факкарелло, имеется еще один поразительный пример, когда идеи, известные в течение долгого времени, но забытые, неожиданно появляются вновь в новом облачении и контексте. Так, в «новой кейнсианской экономике», разрабатываемой Стиглицем, Гринвальдом, Вайсом и другими исследователями, используется анализ банковского и финансового секторов, в котором моральный риск и неблагоприятный отбор играют решающую роль. Многие из того, о чем говорится сейчас, было предвосхищено Адамом Смитом (Smith, 1976, p. II.ii).

²⁰ См. в данном контексте следующее утверждение Самуэльсона, противоречащее либеральной концепции истории: «В истории мысли ни в коем случае нельзя совершать губительную ошибку, говоря о необходимости быть “правдивым”. Для этой дисциплины лозунгом служит фраза: “Клиент всегда прав”. Объектом изучения истории мысли является то, во что *верят* люди, и если там не содержится правды, то тем хуже для последней. Остается еще объяснить, почему правда не продается лучше, чем что-либо еще, но эта задача до смешного проста» (Samuelson, 1962, p. 14–15).

²¹ Другие близкие нам примеры включают закон Сэя и количественную теорию денег. Как указал Лапидус, существует тенденция сохранять простые для преподавания теории в ущерб более трудным (Lapidus, 1996). Педагогические соображения могут способствовать возникновению процесса отбора, напоминающего закон Грешэма.

²² Интересно сделанное Лукасом признание того, что если неоднородность капитала «являлась спорным вопросом знаменитой дискуссии “двух Кембриджей”, то она давно решена в пользу английской стороны Атлантики» (Lucas, 2002, p. 56). Удивительно, но далее он пишет следующее: «Лучше всего смотреть на физический капитал так же, как на непосредственно не наблюдаемую силу [sic], что мы можем принять без доказательства [sic] для того, чтобы единообразно объяснить ряд явлений, *доступных* для наблюдения» (Ibid.).

²³ Критику различных видов инструментализма см.: (Lawson, 1997).

²⁴ В этой связи см. в работе фон Хайека (Hayek, 1937, p. 49) обсуждение проблемы разделения знания, которая, по его мнению, «аналогична проблеме разделения труда и, во всяком случае, не менее важна, чем последняя».

²⁵ Вспомним остроумное замечание Кейнса: «Неизвестно, когда человек становится более консервативным – не зная ничего, кроме настоящего, или не имея представления ни о чем, кроме прошлого» (Keynes, 1970, p. 277).

²⁶ Ниже кратко сформулировано то, что в первоначальном варианте статьи было изложено более подробно. Читатели, желающие знать все подробности, приглашаются на сайт Европейского общества истории экономических учений (www.eshet.net).

²⁷ Марк Блауг в недавней работе утверждал следующее: «В наших современных теориях нет ничего заранее определенного, и если бы когда-то давно, находясь в критической переломной точке, экономическая наука стала бы развиваться в другом направлении, мы бы сегодня защищали другие теории» (Blaug, 2001, р. 156). С этим трудно спорить. Выше мы обсуждали одну из таких «переломных» и, как нетрудно показать, наиболее важных точек. Если бы экономисты классической школы смогли предложить согласованный вариант своего подхода к теории спроса и распределения, история экономической науки могла бы пойти по совершенно другому пути. Как настаивал Блауг, «экономическое знание зависит от выбранного пути» (Ibid.).

²⁸ Подробнее см. в расширенном варианте статьи (см. сн. 25). Также см. работу Парка, который доказывает, что во всех имеющихся в настоящее время горизонтальных моделях инноваций (horizontal innovation models) однородность предстает как разнообразие (Park, 2006).

²⁹ Если знание не имеет свойства кардинальной измеримости, то *ничего* нельзя сказать об отдаче от масштаба, предельном и среднем продуктах, темпах роста и так далее (см.: (Steedman, 2003)).

Статья поступила в редакцию 19 мая 2008 г.